

VIA APPIA

VIA
APPIA

ДОРОГИ НЕ ВЕДУТ НАЗАД

18+

София Гротеволь

Via Appia

«Автор»

2026

Гротеволь С.

Via Appia / С. Гротеволь — «Автор», 2026

Она называет его Спутником. Он – её орбита, её тихая катастрофа, её личный апокалипсис, который пахнет утренним кофе и чужими обещаниями. Она записывает его жесты в дневник, будто боится однажды забыть, как он дышит. Он говорит, что любит. Она верит. Но в этой любви есть что-то, отчего невозможно дышать. Что-то, что выводит её на улицу босиком в мартовский снег. А потом появляется Человек-Время – высокий силуэт в смокинге. Он даёт ей шанс: двадцать четыре часа, чтобы вернуться в прошлое и всё переписать. Она возвращается. Снова. И снова. Но почему-то каждый раз оказывается на том же месте – на Аппиевой дороге, где тишина громче слов. Что, если Вселенная даёт тебе второй шанс не для того, чтобы ты выбрала правильно, а для того, чтобы ты наконец заметила, что выбор у тебя был всегда? Все дороги ведут в Рим. Даже те, которые ты проложил заново.

© Гротеволь С., 2026

© Автор, 2026

София Гротеволь

Via Appia

Гротеволь София

VIA APPIA

1

Привет. Я звоню, потому что... Не знаю, почему, собственно, звоню. В общем, хотела сказать, что очень скучаю. Очень. Скучаю. Ты вообще как там? Я не про работу, а в целом. Как ты? Все еще берешь Флэт Уайт в кофейне рядом с работой? А... прости... совсем забыла о вашем переезде. Я в последнее время многое забываю, а забывать не хочется. Я очень боюсь... знаешь... я забываю как ты выглядишь. Помню только твои глаза. Голубые такие. Помнишь, я говорила, что хочу, чтоб у нашего будущего сына были такие глаза? Не важно. Я скучаю. Перезвони мне. Если захочешь, конечно... Но перезвони.

Я коснулась красной кнопки на экране своего мобильного и уставилась на экран. Мой Спутник. Как же поживает мой Спутник? Сидит, наверное, как обычно у окна в своей красивой холодного серого цвета комнате. Интересно, он пошел подстричься наконец? Его волосы отросли настолько, что он напоминал мне барашка в последние дни. Хотя я помню, как в день, тот самый роковой день, он их уложил как-то по-особенному. Мой Спутник, возможно, рассматривает ключ от нашей старой квартиры, на котором ненавязчиво висел самодельный брелок-катушка с нашими фотографиями на пленке. Помню, это был мой первый подарок. Брелок с ключом. Чтобы он всегда смог открыть дверь, ведущую ко мне обратно.

Мы расставались три раза. А может четыре, я не помню. По крайней мере, этот ключ всегда нас спасал от этого расставания. Он всегда находил этот вход ко мне, а я всегда встречала его со слезами счастья на глазах, я была рада, что он возвращался.

Сейчас будто все вернулось на круги своя. Я снова в своей комнатке с розовыми обоями, за соседней стенкой спят родители, а еще подальше – старший брат, с его дочкой. Такая милая шестилетняя девочка, всегда дает мне пять, когда я ей говорю, улыбается всем и всех любит. Однажды она тоже вырастет, встретит своего спутника, который будет сопровождать ее какое-то количество времени. Жаль только, что все вечное заканчивается.

Ровно год назад, 4 июля 2025 года, началось мое лето. И нет, эта дата не какая-то особенная, просто видимо так сложилось, что именно к 4-му июля я закрыла сессию, снова начала выходить из своей каморки и дышать свежим дождевым воздухом, ну и потеть до жути от летней жары. А еще 4 июля 2025 года я встретила своего Спутника. Но сейчас не об этом.

Мой прошлогодний первый летний месяц был полон забот. Я все время думала, то ли уехать куда-нибудь, то ли повеситься. Второе казалось более реальным, потому что денег у меня, конечно же не было. Девятнадцатилетняя девочка, непривыкшая работать, что вы еще хотели? Папа меня очень любил, что бы я ни попросила – это всегда оказывалось в моих руках. Правда он всегда ругался на меня, мол: "Опять тебе нужны деньги! Я что, печатаю их?!", но после всех криков я спокойно уходила в свою комнату с парой купюр. Сессию я закрывала потихоньку. Это был конец второго курса, и уж спустя два года я поняла, что за оценками гнаться не хочу. Большого смысла в этом не было. Из-за моих литературных статей все думали, что я стану кандидатом филологических наук, но я не то, чтобы не собиралась им становиться, я пока вообще не знала, кем мне становиться. Видимо, никем.

Имея одну единственную подругу... Как же мне ее назвать? Пусть будет Кики. Простое имя для такой простой подруги. Так вот, имея одну единственную подругу Кики, я не сильно страдала от одиночества. Вернее, совсем не страдала. Одной быть очень даже хорошо, только себе можно хотя бы кое-как доверять. А если уж себе – кое-как, то другим – вообще нельзя. Кики рассказывала мне разные истории, я всегда отвечала что-то вроде: "Ого! Да? Вау!", могла

иногда дать какие-то простенькие, абсолютно очевидные каждому человеку советы, а она благодарил меня за них, будто я открыла ей истину вселенского масштаба. Да уж. Вот такая была эта Кики. Не скажу, что я как-то сильно хотела с ней проводить время, но будучи склонной к самокопанию, я решила, что общение с ней меня отвлечет от всего "сложного", что не дает мне спать по ночам. Вот идет она справа от меня, и я уже не думаю о цели нашего существования, мои мысли теперь занимает какой-то ее новый ухажер по прозвищу "черт" (у него были рожки на шлеме для мотоцикла), или я снова слушаю жалобы на ужаснейшую учительницу по испанскому... В общем, бытовые, абсолютно скучные и неинтересные речи, которые полностью олицетворяют их оратора. Кики была бессмысленной. Она просто была пустым сосудом, который заперт пробкой и выброшен в океан. И никто, никогда не сможет заполнить этот пустой сосуд.

Мое лето, как я уже сказала, началось 4 июля 2025 года. Я писала свой очередной, абсолютно бездарный роман, думая, что это самое гениальное, что я могла только выжать из своего мозга. Не знаю, честно говоря, какой в итоге роман получился... Впрочем, для первой пробы пера в длинной прозе, я думаю, он получился неплохой. Неплохой – это идеальное слово. Это не хороший, но и не совсем ужасный. Это где-то посередине. И лето это, тоже было каким-то "посередине". Июль и август стали теми месяцами, в которые мне до ужаса хотелось вернуться. Сейчас каждый раз, когда я прохожу мимо деревянных лавок в сквере, вижу прекрасный пруд, слышу крики чаек, меня будто уносит туда... Я не могу по-настоящему описать это чувство, но будто что-то там плачет по мне, что-то бесконечно зовет меня, причем не просто зовет, оно вопит, просит вернуться и все поменять, просит спасти и остаться с "ним", но что это? Я понять не могу. Так вот, пока я писала свой "неплохой" роман, мне позвонил кто-то с незнакомого номера, я обычно трубки не беру, ненавижу по телефону разговаривать до глубины души, аж воротит, но тогда почему-то ответила.

– Да? Кто это?

– Привет. Э... Мы учились с тобой вместе в той школе... Ну ты была в девятом классе, а я в десятом. А потом ты исчезла. Будто испарилась. Вот нашел твой контакт, интересно было узнать, куда ты исчезла.

– Я не помню, кто ты, честно. Исчезла я просто потому что ушла в другую школу. Если тебе только это хотелось узнать, то я прощаюсь.

– Да стой ты! Интересно же, как жизнь твоя сложилась.

– Странно о своей жизни, и о том, как она сложилась, рассказывать человеку, про которого твое сознание не помнит ни-че-го.

– Эм... Ну... Как насчет того, чтобы вспомнить? Я тут военный билет получил, отметить не с кем. Не хочешь выпить пива где-нибудь рядом с твоим домом?

– А ты знаешь, где я живу? Звучишь, как маньяк.

– Ну не хочешь – не надо. А если хочешь – я уже у твоего подъезда.

– Можно вопрос?

– Тогда и я задам. От чего я тебя сейчас отвлек?

– Я роман писала... Ну и книжку читала.

– Понял. А у тебя какой вопрос?

– Зачем ты пиво пьешь?

– А зачем ты книжки читаешь?

Так и началось мое лето в прошлом году. Но что сейчас о нем, не правда ли? Вот вроде и хочется вернуться, но понимаешь же здравым рассудком, что это совершенно невозможно. Никогда.

2

Сентябрь начался с переезда на новое место. Я сняла небольшую квартирку рядом с университетом. Квартиркой, конечно, сложно было назвать те полторы комнаты, но как есть –

так есть. Начались мои занятия на третьем курсе филологического. Я думала, сентябрь станет для меня месяцем вдохновения и новых возможностей, но в виду моей болезни, сентябрь стал просто еще одним началом моей депрессивной фазы. Да. У меня биполярное расстройство.

Когда я об этом узнала, мне было лет тринадцать. Психиатр тогда сказал: "Ну что ж... Пропивайте вот эти таблетки два раза по 200 миллиграмм в день, а антидепрессанты два раза по 10 миллиграмм". Помню, мой первый вопрос был: "И сколько по времени их пить?". Оказалось, что всю жизнь. Тогда я поняла, что в целом, что бы я ни делала, болезнь никогда от меня не уйдет. Я не стала пить те лекарства, а мое состояние с каждым годом становилось все хуже и хуже. Депрессии длились дольше, чем обычно, и "глубже", если в принципе можно так выразиться, а маниакальные фазы были ярче. Но манию я любила. Столько идей, мотивации, занятий... Сна достаточно два-три часа, а больше и не надо! Эти прекрасные дни. Я становилась гением, Богом во плоти, главной моей целью было привнести в мир нечто глобальное, чтобы все люди на свете узнали меня, восхищались мной, обожали. А потом наступала депрессия. Я лежала под одеялом месяцами, вставая только для того, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Иногда могла съесть ломтик хлеба, а в лучшие дни – выпить бульон. Какая тут гениальность? Только лишь ничтожество.

Сентябрь. И снова я лежу в кровати часами. И сплю тоже часами. Мой Спутник вставал на работу к девяти утра. Он умолял меня провожать его каждый раз, и каждый раз я делала это через силу. Что тут говорить, видимо, я действительно любила его, раз находила возможность на пятнадцать минут в день встать, укутавшись в одеяло, пожелать Спутнику хорошей работы, поцеловать кое-как на прощание, и снова плюхнуться в объятия кровати. И уснуть. На часов так десять. Так проходил почти каждый день. Редко, когда в вузе предупреждали о важных контрольных, я поднималась с кровати и в абсолютно несуразной одежде волокла себя на пары: "Ты такая одомашненная!" – с улыбкой говорили мне однокурсники. Они верили, что я живу в максимальном комфорте, раз позволяю себе приходить "в таком виде" в вуз. Они думали, что мне плевать на мнение других. Впрочем, это было правдой – мне было плевать. Но не только на мнение других, а в целом на всю свою жизнь. Дома меня ждал Он. Всегда просил, чтобы я приготовила ужин. Иногда сил не было совсем, и я не готовила. Но ужинали мы всегда – когда-то доставкой за мой счет, когда-то пельменями, когда-то все-таки я делала эту чертову карбонару, а он был счастлив. Я счастлива не была.

Завтраки тоже он очень просил. Мне приходилось встать раньше, чем он, и пойти на кухню к газовой плите, чтобы пожарить яйца. Я всегда ему завидовала, вот ведь везунчик, отсыпается лишние тридцать минут, а то и час, а я тут стою у плиты и намешиваю ему скрэмбл. Ужасные утренние ритуалы.

Потом он просил меня готовить ему на работу обеды. Что ж. Готовила. Простенькие вещи – когда-то рис сварю с пожаренными котлетами, когда-то гречку с курицей. Иногда вообще ничего. Он на меня очень злился, считал, что я его не люблю, раз не стараюсь. Но я старалась чрезмерно много для того состояния, что было у меня тогда. Я действительно старалась. И этого никогда не было достаточно.

Вы не думайте, что я лентяйка. Я сейчас вам попробую объяснить, что такое биполярное расстройство. Представьте: вы живете свою лучшую жизнь. У вас есть немеренное количество денег, потому что есть силы работать непокладая рук. Вы, счастливые, идете на любимую работу, общаетесь с коллегами часами. Я не преувеличиваю – часами! После этого каждый вечер вы гуляете с друзьями: тусовки, клубы, светлое пиво, курево, смех, объятия. И так каждый вечер. Вы приходите домой, абсолютно полные энергией. Учите новый язык, пусть будет немецкий. Из-за любви к немецкому смотрите подкасты на YouTube – обязательно про Вторую Мировую и политику австрийского художника. После подкастов самое время прочитать японский роман на четыреста страниц. Потом, понимая, что на работу вставать рано, а спать вы не хотите, вы капаете себе в сто миллилитров воды пятнадцать капель валерианы, курите

Winston еще минут пять, и ложитесь спать. Ночью пару раз просыпаетесь, спите часа три в лучшем случае, на утро вы снова полны энергией, и все повторяется заново. Такой вот день сурка. Но он счастливый. У вас буквально есть все на свете, а переживать о чем-то просто времени не хватает. И вот в один из таких сурковых дней вы приходите домой. Вдруг спать до ужаса хочется. Вы ложитесь на кровать, и без валерианы и привычных сигарет, вырубаетесь сходу. Вы просыпаетесь часа в три по полудню. Работу вы проспали – вам, впрочем, плевать. Кое-как встаете и завариваете растворимый кофе. Сахар с молоком добавить лень, так что горечь на языке чувствуется. Коллеги пытаются дозвониться, а телефон уже давно разряжен. Через пару дней вы узнаете, что уволены. Но вы все еще плевать хотели на это. Другим, если у вас конечно осталась хоть капелька совести, вы напишите, что очень заняты. Но заняты вы будете только лишь сном и просмотром трещин на потолке. Есть не хочется – и слава Богу! Похудеть ведь можно. Так проходит каждый ваш день. А потом снова вы просыпаетесь – а жить вдруг захотелось. Но помните? Вы все уже потеряли... Надо заново строить жизнь.

Когда в сентябре я решила все-таки обратиться к психиатру – мой Спутник строго настрого запретил. Впрочем, он никогда не верил в психиатрию. Так же, как и в психологию.

– Я думаю, мне стоит пойти к врачу, как думаешь?

– К какому?

– Ну как к какому? К психиатру.

– И зачем тебе психиатр?

– Я в последнее время... Ну, я думаю, ты заметил. Мне очень плохо, знаешь? Я встать не могу, сил совсем нет. Но я даже не за себя беспокоюсь, а за тебя. Мне кажется, тебе совсем тяжело стало жить со мной бок о бок. Ты злишься часто... Ругаешься...

– Не придумывай, когда это я ругался?

– Вчера вечером. Когда я вместо готовки решила лечь пораньше.

– Ну а как тут не ругаться? Ты совсем от рук отбилась, не замечаешь? Спишь целыми днями, ничего не делаешь. Буквально ничего. А я на работе по восемь часов. Прийти хочется домой отдохнуть, чтобы моя девушка встретила меня накрашенной в шелковом халате, а на столе лежало хоть что-нибудь поесть. Ты когда меня в последний раз так встречала, скажи мне?

– Вот. Опять ругаешься.

– Я не ругаюсь, а объясняю тебе очевидные вещи. Я домой прихожу – ты спишь. В футболке грязной, которую ты днями не меняешь. Мне приятно, думаешь?

– Так я и говорю. Мне помощь нужна. Мне, похоже, нужны лекарства.

– Пойми. Болезни нет, ее назначают. Ты просто обленилась. Спортом займись что-ли. Ну и пожалуйста, делай, что я попросил. Я на грани уже.

Жаль это признавать, но он меня тогда убедил. А жаль, потому что если бы я тогда все-таки не послушала его и обратилась за помощью – может сейчас все было бы по-другому. Все было бы ровно, без этих изматывающих фаз. И к сегодняшнему дню, может быть, удалось бы уже подобрать нужное для меня лечение. Но кто знает, что было бы. Уже тут ничего не напишешь.

Так прошел сентябрь. Погода, честно говоря, была не очень. Бесконечные дожди, которые с точностью отражали мое состояние. Вечный туман, в котором я мечтала заблудиться. Не видишь конечной точки, не видишь дороги, а только чувствуешь стопами, потому что подошва на кроссовках тонкая, ощущаешь каждый листик и камешек. Однажды в таком тумане ко мне подбежал черный пес. Лабрадор, наверное, но точно не чистокровный. Двор-лабрадор. Назовем его так. Туман, словно песни Ланы на пластинке, окутывал каждого человека, у которого хватало дисциплины, чтобы пойти на работу. У меня такого не было. Учеба ушла на второй план. Я часто прогуливала, но репутация среди преподавателей была хорошей. Мол, я вся такая умная, участвую в конференциях, пишу статьи, ну будущий научный деятель! Да нет, конечно. Никакой я не будущий ученый. Просто делаю то, что нравится – и все. Поверьте, я стала встре-

чать его с макияжем на лице, купила этот чертов шелковый халат, готовила ему три раза в день, и будто бы все встало на свои места. Я все еще чувствовала себя ужасно, но находила в себе силы. Все ради него – моего Спутника. Себя хоронишь – его оживляешь. Мне казалось, он воскресал каждый день, видя как я стараюсь ради него. Он приходил с улыбкой на лице, крепко обнимал меня, целовал мои губы, щеки, лоб и нос. Мы любили друг друга, как никто на свете. Через неделю он меня бросил.

3

– Хорошо. Я скоро выйду.

– Давай. Пиво я купил, сижу на лавочке в двух шагах от твоего подъезда. Как выйдешь – сразу налево.

– А потом мы куда пойдём?

– А вот потом мы и придумаем.

Я выбежала на улицу в коричневой кожанке и черной мини-юбке. Вроде бы лето, а ветер был прохладный. Кожанка обвалакивала меня каким-то уютом. В ней было что-то винтажное, выглядела я, как сестра Винчестеров. Бесконечная моя любовь ко всему сверхъестественному. Конечно, я его помнила. Высокий мальчишка, в которого я была по уши влюблена несколько лет назад. Голубоглазый, светловолосый, под два метра ростом, он выглядел очень добрым. Именно это доброта меня и привлекла. Сейчас добрых людей слишком мало на целом свете.

Спустя годы он почти не поменялся. Лицо осталось тем же, разве что, он немного набрал вес. Но этого почти не было видно, я даже думаю, что никто бы не заметил, кроме меня. 4 июля 2025 года. Моя маниакальная фаза, не сглаженная лекарствами, было потрясающе. Я слегка приобняла его, он передал мне в руки банку светлого пива Spaten, и мы решили побродить по окрестностям здешних районов. Болтали обо всем на свете: о прошлом, о том, как эти пять лет проводили время, об учебе (он, кстати, отчислился и планировал восстановиться), о работе. Потом разговор плавно перешел на тему бывших отношений. Я рассказала про своего прекрасного богатого друга, как проводила с ним время в поездках за границу, а он рассказал про девушек, которые все до одной ему изменяли. Не лучшие отношения, так сказать. Но что поделать, такова жизнь.

Мы сидели в парке у воды. Я любила эти деревянные лежанки, рядом – никого, и ты можешь полноценно окунуться в свои мысли, провести, так сказать, полноценный анализ своей жизни. Рефлексия. Как же я ее любила! Мы попивали пиво, которое не заканчивалось, курили сигареты, тушили их о деревянный перрон, много смеялись, и я посчитала его очередным глупым ровесником, с которым можно посмеяться над глупыми вещами и ни о чем не думать. Он мне напомнил Кики. Такой же бессмысленный и пустой. В добавок ко всему, до чертиков эгоцентричный! Почти всю прогулку – о себе да о себе. Я узнала о всех членах его семьи, обо всех их поездках, о том, что маму он считал сексуальной для своих сорока двух лет, о том, что сестру любит. Навело на мысли о Царе Эдипе... Но опустим этот момент, что уж тут грязь разводиться, право же. Мы напились до ужаса и начали рассуждать о наших взаимодействиях пять лет назад.

– А я в тебя влюблена была!

– Ты же сказала, что не помнишь меня от слова совсем!

– Да брось ты, помню конечно. Любимых забыть нельзя.

– А чего соврала тогда?

– Не знаю. Правда. Возможно, это все моя гордость.

– Что ж, ну ты мне тоже нравилась тогда.

– Я тебе нисколько не верю!

– Что? Почему? – рассмеялся он.

– Ну как. Я тебя вечно гулять звала, а ты вечно отказывался.

– Ты вообще не показывала, что я тебе нравлюсь!

– Ну я намекала...

– А ты думаешь, я намеки понимал?

Мы рассмеялись, а я задумалась. А вдруг, если бы мы признались друг другу тогда, сейчас мы были бы вместе. Может и поженились бы уже! Кто знает? Я думаю, он задумался о том же.

Мы еще немного побродили по улочкам парка, комары укусили и ноги чесались. Я внутренне смеялась. Вот как? Как так случилось, что спустя пять лет он нашел мой контакт и мы, вот так, как старые добрые друзья, прообщались три часа без умолку? Судьба, может? Тогда я еще не знала, что да, судьба.

Он проводил меня до подъезда. Пять лет назад он делал точно так же. Провожал, мы обнимались на прощание, и я, смущенная, убегала внутрь и закрывала за собой дверь. Кто бы мог подумать, что он не заметит мою симпатию и подумает, что я к нему безразлична? Так странно все. Но в этот раз, когда мы уже стояли у двери в мою обитель, я поцеловала его в уголок губ. Ненавязчиво и незначительно, такой вот невесомый поцелуй, который я должна была ему отдать еще тогда. Я попыталась сбежать от этого позора, уже открыла дверь, думая: "Ну вот, первая и последняя прогулка, что же я наделала?", но он удержал меня за руку и поцеловал.

Эйфория. Вернулась домой я окрыленная! Вот он! Тот момент, который я тогда упустила! Неужели Вселенная возвращает мне счастливый момент прошлого? Неужели нечто Божественное снизошло, чтобы наградить меня за пять лет ожиданий? Конечно, я не тосковала по нему все это время. У меня было много отношений, мне нравилось спать с мужчинами и получать от них внимание и тепло. Еще я любила мужчин с деньгами. А если точнее – влюбленных мужчин с деньгами. Такие мужчины готовы отдать тебе все на свете, лишь бы ты провела часок-другой за разговором с ним в каком-нибудь ресторане. Мне не сложно – и поела вкусно, и денег дали "на безделушки", и уехала на частной машине домой. Ничейная и никому не должна. Но в этом было свое некое счастье. Мое счастье. Оно ведь для каждого разное, не так ли?

На следующий день мы с ним снова вышли на прогулку. В этот раз было менее уверенно, появились неловкие молчания, да и разговаривать уже было не о чем, будто бы мы все вчера обсудили, и с нас хватит. А еще мы не пили пиво. Я сразу подумала: "Да уж, что-то точно не так!". Хотя не знаю, почему я, собственно, так подумала. Не алкаши же мы какие-то, да и виделись лишь единожды. И единожды пили пиво всю прогулку. Периодически мы смотрели в его телефоне мемы или смешные видео. Какая ирония. На прогулке в парке сидеть на лавочке и втыкать своим тупым до невозможности мозгом в телефон. Конечно же, я только притворялась, что мне интересно, а по факту, он снова стал мне казаться бессмысленным и пустым.

– То, что было вчера... – начал он, как только мы дошли до моего дома. Я сразу поняла – больше ничего не будет. Вчерашний поцелуй был ошибкой. Надо опередить его, так менее болезненно. Ну, или это все еще моя гордость.

– Не переживай. – Я перебила. – Это просто порыв. Я не хочу отношений.

– Оу... Правда?

– Да.

– Я просто хочу дружить. – Нервно рассмеялся он.

– Без проблем. Будем, значит, дружить.

– Ну что ж... Рад, что мы это обсудили. Тогда пока?

– Давай. Пока.

Признаться, этот диалог меня расстроил. Никогда еще не было такого, что парень, с которым я хотя бы немного коммуницировала, предлагал мне "дружить". Что это вообще такое? О какой дружбе речь идет? Типо вы такие дружные-дружные, не влюбляетесь в друг друга, физиология не значит ни черта, один безвозмездно помогает другому... Ну что за чушь? Нет никакой дружбы между мужчиной и женщиной, ну невозможно это!

Мои мысли подтвердились как раз, когда мы и начали "дружить". Каждодневные прогулки, поцелуи на лавочке, долгие объятия, разговоры о сексе. Ну да, настоящая дружба. Всем бы иметь такую дружбу, как у нас с ним. Моим будущим любимым Спутником.

Впрочем, был у меня один настоящий друг. Вот там не было поцелуев в губы, разговоров о сексе... Нет, они были конечно, но не о сексе между нами. Я ему абсолютно доверяла. Вот знаете, на все сто процентов. Задумайтесь. На. Все. Сто. Я была готова отдать в его распоряжение каждую частичку своей души, и я точно знаю, что я могла бы доверить ему свою жизнь. И даже если он однажды захочет меня убить – значит, так нужно. Он бы не убил меня исходя из своих интересов, он бы сделал это только ради меня самой. Звали его Освин. Ну или просто Ос. Мне всегда нравилось его имя... Божественный друг. Os и Wine. Пора мне перестать увлекаться древнеанглийским. Но тем не менее, это имя безумно ему подходило. Высокий, темноволосый парень, всегда был одет по-простому, а глаза – самые добрые на свете. Я любила Оса той любовью, о которой не пишут в романах. Это было нечто большее, не подкрепленное романтикой. Он был мне больше, чем родной брат, больше, чем самый близкий друг. Возможно, он не знает, но он тысячу раз спас меня от смерти. Вот иногда скажет что-нибудь этакое, и снова жить хочется. Или вот сидишь с ним на скамейке у озера, смотришь на водную гладь, и молчишь. И вот с ним эта тишина другая. Никакой неловкости. Только пространство и умиротворение.

– Я тобой очень дорожу. – Любила повторять я.

– Ты слишком часто в последнее время это говоришь.

– Да так. Просто это правда. Я очень тобой дорожу. Не уходи от меня никогда. Я же без тебя никуда.

– Да. Я тоже тобой дорожу. Иди домой. Отдыхай.

4

В начале октября мой Спутник ко мне вернулся. Вот взял тот ключ-катушку с пленкой, и просто снова открыл дверь в мой мир. К этому моменту мы были с ним в отношениях месяца два-три. И честно говоря, позже я искренне жалела, что впустила его в свою жизнь после первого расставания. Аппиева дорога. Ведет в Рим.

– Попробуем снова?

– Да. – тихо ответила я.

– С самого начала?

– Да.

Так и начался второй месяц осени. Моя депрессивная фаза процветала. Я наказывала себя глубокими ранами, пытаясь хоть немного заглушить свою боль. Потом, когда поняла, что это явно не понравится моему Спутнику, я начала делать себе татуировки. Ну а что, легальное причинение себе вреда? Почему бы и нет? Конечно, если вы помните, Спутник убедил меня в обратном – депрессии нет, я просто обленилась и намеренно создаю себе сложности. Я старалась держать в голове эту мысль, чтобы банально продолжать радовать его после работы: рисовать себе стрелки, красить губы, делать укладку волос, надевать чертов халатик, и мило, натянув улыбку, бежать встречать его у входной двери. "Соберись! Ты просто прокрастинируешь. Он правду сказал – ничего тебе не плохо, ты сама это придумала", – так я себя убеждала.

Вдруг все и правда начало улучшаться! "Вот ведь!", – думала я, – "А мой Спутник был прав!". Я иронизирую, конечно. Просто я в тайне от него все-таки пошла к психиатру. Как бы я не отрицала, лекарства были мне нужны. Но я старалась не для себя. Все было ради него. Я согласилась на лечение только чтобы хватало сил каждый день создавать ему этот домашний уют. И правда, начало все налаживаться. Октябрь прошел незаметно, затем ноябрь точно так же. Мы часто ходили с ним в компьютерный клуб. Мне даже нравилось – легально убивать людей, что может быть лучше? Иногда выбирались в какую-нибудь забегаловку, но в основном, конечно, мы были дома. Столько фильмов посмотрели, сейчас даже не сосчитать. Многое что

забрасывали, конечно, но суть была даже не в просмотре кинокартины, а в возможности лежать вот так рядом, в обнимку, нежиться, а потом страстно заниматься сексом. Вот мои лучшие дни! Больше всего на свете я скучаю именно по этому. По нашему единению, и не только телесному, но и единению душ.

В декабре приближался его День рождения. Я готовилась к этому событию, так, как никогда в своей жизни. Столько продумала! Ей Богу, он этого не заслужил. Да и меня, впрочем, он не заслужил. Слишком уж я его любила, и никогда даже не подозревала, что в моей любви он каждый день находил какие-то неровности. Но сейчас не об этом.

Я заказала торт. На нем было написано "Моему Спутнику". Теперь я его так и называю. Он – мой Спутник. И останется им навсегда, я в этом уверена. Он очень обрадовался подарку, носил потом все те вещи на работу каждый божий день. Свитер с красными крестами он заносил до такой степени, что на нем постепенно начали появляться зацепки и катышки. Но я была рада – смогла ему угодить!

Тогда я еще не знала, что лечение мне начинает помогать все меньше и меньше. Снова стала спать дольше обычного, но думала, что просто устаю от всех этих домашних обязанностей, которые я, каким-то удивительным образом, совмещала с работой и учебой на филологическом. Как ни странно, Спутник позволял мне отдохнуть, говорил что-то вроде: "Да ложись, сегодня я сам ужин приготавливаю". Я так и поступала. Вот, думаю, идеальные отношения, к которым мы так долго шли. Спокойствие, любовь, и больше никаких проблем. Потом, правда, он всегда меня аккуратно упрекал. Вот вроде вежливо говорит, а вину я свою чувствую. Ему пришлось после работы готовить ужин, хотя я была дома весь день... На полу, который был не мыт уже дня три, лежат невесомо по разным углам мои черные выпавшие волосы. Их было все больше и больше. А сил совсем нет. Ненавидела я этот бардак вокруг, и уж точно не хотела, чтобы в этой грязи находился мой Спутник. Но сил – ни капли. И ноги не поднять, и до туалета не всегда есть силы дойти. Изматываешь свой мочевой пузырь до изнеможения, пока чуть не испражняешься прямо в кровать. Но все-таки мозг одалживает тебе этот порыв бодрости на какие-то тридцать секунд. Ты подскакиваешь, бежишь в уборную, а выходишь оттуда – и ноги снова не держат. И снова засыпаешь на следующие десять часов.

Когда мы ходили в компьютерный клуб, а я играла, честно говоря, не очень, он всегда меня поддерживал. Он и правда любил меня.

- Не переживай, зайка, это нормально, следи за прицелом просто! Люблю тебя!
- И я тебя люблю. Почему они ругаются на меня?
- Потому что люди такие. Это не ты виновата.

Люди такие. Это не я виновата. Да, и правда, тогда я была еще не виновата. Тогда он бесконечно позволял мне все. Любимой можно не готовить, спать сколько хочешь, заниматься йогой и эстетично выкуривать сигарету по утрам, попивая при этом кофе, пока он собирается на работу. Тогда я думала, что "любимая". Тогда я верила, что он считает так же.

В декабре я снова встретила того человека... Он выглядел абсолютно так же, как и летом, в июле. Такой же высокий, с длинными руками и черными, как мокрый пепел, глазами. Это было в кофейне неподалеку от моей квартирки. Этот мужчина сидел в углу, попивая, как я поняла, эспрессо, уж слишком маленькая была чашечка, и улыбаясь, прожигал взглядом меня.

5

Одну из наших "дружеских" июльских прогулок с будущим Спутником я запомнила сильнее всего. Не знаю, было ли то очередной галлюцинацией от таблеток, или это все же была реальность. Но почему же наваждения не могут быть реальностью, не правда ли? Я часто задумываюсь о шизофрениках. Странная гиперфиксация, вам не кажется? Хотя что тут рассуждать, конечно, я задумываюсь о шизофрениках хотя бы по той причине, что сама страдаю от расстройства, мешающего мне жить. Шизофреники всегда казались мне самыми интересными

людьми на свете. Их способ видеть мир – вот чего я хотела бы добиться. Как только думаю об этом, начинаю им даже завидовать. Знаю, нельзя так говорить... Они ведь наверняка страдают наравне со мной, а то и больше. А есть ли те шизофреники, которые не страдают? Хотела бы я с таким представителем поговорить. Может быть он рассказал бы мне о том, каков на самом деле мир, зачем мы в принципе живем на планете Земля и почему день за днем ее разрушаем. Возможно, он поведал бы мне об ином измерении, и какие существа живут по ту сторону баррикады, а мы просто не можем их увидеть человеческим глазом. А может мы бы просто поговорили о том, как перестать страдать. А может таких нестрадающих в принципе нет, никто не может узнать. Статистику никто не ведет. Это не надо никому. Кого вообще интересуют страдают или не страдают шизофреники? Мне кажется всем на таких людей просто плевать. Люди с расстройствами считаются изгоями общества, и кто бы что ни говорил, мол, мы живем в двадцать первом веке, психиатрия развивается, такие люди больше не бояться. Но какой стандартный психически больной человек захочет рассказывать адекватным людям о себе? Осудят ведь. Не поймут. Вот вам и реальность – сплошное лицемерие.

Так вот, в июле, после очередной "дружеской" прогулки с моим будущим Спутником, я решила пройтись по окрестностям в одиночку. Ведь с кем же нам проводить больше всего времени, как не с самим собой? Хоть и доверяем мы себе, как я уже говорила, кое-как. Но это "кое-как" хотя бы честное, ты сам себе говоришь: "Дорогой мой, я тебе не доверяю", обращаясь к какому-то внутреннему голосу, но ты хотя бы можешь ему признаться в своем недоверии. А от других недоверие скрываешь. В моих блужданиях не было чего-то особенного. Я не была грустной или расстроенной, напротив, я была, возможно, самым счастливым человеком на планете. С моим "другом" мы проводили время слишком хорошо. Каждая встреча сопровождалась нежными поцелуями и разговорами ни о чем. Хоть я и считала его пустым, но эта пустота была беззаботна. Ни о каких проблемах не думаешь, тебе просто всю прогулку рассказывают тривиальные истории, и кажется, будто так и должен жить настоящий адекватный человек. Ввиду моей болезни – очень сложно вот так проводить время. Как адекватный человек. Меня кто-то окликнул. Причем по имени. Обернувшись я увидела высокого, с длинными руками и такими же длинными ногами человека. Волосы были белесые, а лицо хоть я и видела, но ей Богу, вспомнить не могу. Кажется, что я забыла его физиономию уже через секунду.

– Нравится тебе лето?

Помолчав пару секунд, я спросила:

– А вы кто, собственно?

– Да какая тебе разница. Просто узнать интересно. Я немногими интересуюсь, но ты мне нравишься. Необычная.

– Лучшее лето в моей жизни.

– Правда?

– Да.

– Ну а как ты думаешь, такое лучшее лето повториться однажды в будущем?

– Да не знаю я, что вы пристали? Откуда мы можем знать, что будет потом? Я наслаждаюсь моментом сейчас.

– Что ж. Наслаждайся моментом сейчас, я же не запрещаю тебе. Только здесь тебе лучше не застревать. Запомни это.

– В каком смысле не застревать?

– Я больше не повторю этого никогда. Так что запомни лучше сейчас. Еще встретимся. Беги домой, темнеет уже. И твой друг уже потихоньку спать ложится у себя.

Я посмотрела на него укоризненно, немедленно повернулась и, как он посоветовал, побежала домой. Может это и был какой-то из нестрадающих шизофреников? Если это так, то надеюсь, что больше таких персонажей не встречу. Они странные, эти нестрадающие. И что

вообще за глупые вопросы и наставления? Не застревать. Где черт возьми? В моменте? На то это так и называется – момент. Застрять в этом невозможно.

Я набрала моего будущего Спутника перед сном. Снова говорили ни о чем, снова я чувствовала это невероятное спокойствие – ни мыслей в голове, ни планов. Будто кто-то нажал на кнопку выключения в твоём мозге: turn off.

Может я тоже такой же нестрадающий шизофреник? А не страдаю я только по той причине, что о своей поехавшей катушке просто не знаю. Мне кажется, быть человеком с БАР гораздо проще, чем страдать шизофренией. Жаль, на себе сравнить не могу. Но я считаю, все мы с ума сошли. Вот прям весь мир. Полностью поехавший. Абсолютная психоделия.

18 июля 2025 года он предложил мне встретиться. В этот же день я стала называть его моим Спутником. Имя его исчезло, испарилось, будто никогда и не существовало, и теперь я нарекла его Спутником. Это было из-за того, что он сочетал в себе несколько видов спутников: естественный спутник (это тот, который вращается по определенной траектории, ну и он не искусственный, это самое настоящее небесное тело, он стал небесным телом для меня), далее спутник-пастух, это тот, который не позволяет частичкам кольца планеты уходить от нее в стороны, он был таким этим июлем, не давал мне разлететься, не позволял раскрошить свое кольцо, чтобы маленькие осколки не ранили других и меня в том числе, и последнее, он был равниной спутника, ледяная поверхность на Плутоне, он был таким же холодным, временами. Ладно. Я вам солгала. Я назвала его Спутником только из-за моей любви к одному японскому писателю. В нем сочетались меланхолия и тихая надежда на неплохую жизнь. Почему неплохую? Потому что я не видела ни в одном его герое счастья.

Мне нравился этот писатель. У него была одна особенная деталь. Он очень трепетно относился к барам в своем творчестве. У меня тоже был такой бар. Сидишь с незнакомыми людьми, и вдруг, на какой-то миг, вы становитесь лучшими друзьями. Разговариваешь с ними обо всем на свете: от смерти до жизни. И, в моменте, чувствуешь бесконечное счастье. Но все бесконечное не вечно. Помните? У этого японского писателя бар стал некой символической границей между реальностью и внутренними поисками персонажей. Все такое случайное и одновременно судьбоносное. Время замирает. Оно не движется. Ты будто застреваешь в пространстве, в котором хочется остаться и не идти в такое неизведанное будущее. Освин бары не любил. Мой друг всегда считал, что в них есть что-то жуткое. "Нельзя..." – говорит – "прошлым жить". Как же это нельзя? Ос, ты уж точно был не прав. Жить прошлым можно. И даже жить в прошлом можно. Уж поверь, я по себе знаю – такая возможность у некоторых есть.

Однажды я привела Спутника этого своего любимого бара. Вот он его полюбил как раз за это омертвление времени. На фоне играет американская музыка 80-х, пиво льется в бокалы само по себе, а люди ведут себя так, будто знают друг друга всю свою жизнь. Однажды было такое, что все люди били бокалы. Все над этим шутили: "Ха-ха-ха, да у нас тут клуб разбитых бокалов", да и вроде в этом не было ничего такого – у выпивающих людей всегда что-то из рук валится, то телефон, то наушники, то, в конце концов, этот самый бокал. Но мне все же казалось это немного странным. Вечные осколки, почти каждый день. Будто время, которое замирало в этом баре, просто раскалывалось на кусочки. Будто кто-то из другого измерения специально заставлял этих людей разбивать стекло. Раскол времени. Стоит задуматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.